

Яковъ Іоганъ Урсинусъ¹⁾.

Профессоръ-депутатъ Екатеринбургской комиссіи для очищенія проекта новаго Уложенія.

Теперь, когда проектъ, внесенный на разсмотрѣніе Большой комиссіи, былъ составленъ рѣшительно въ духѣ старо-дворянской партіи, очевидно должны были повториться прежніе споры. Новыхъ доводовъ ожидать было трудно. Были сдѣланы 2 новыхъ предложенія примирительнаго характера: 1) помянутый выше депутатъ Кіевскаго полка Козелецкаго и Остерскаго повѣтовъ отъ шляхетства Золотницкій (XXXII, 305; т. XXXVI, III прил. къ т. XXXII, № 33) предложилъ, чтобы „начало вступленія въ дворянство... впредь опредѣлить со вступленія въ штабъ-офицерскій чинъ“ (для военныхъ вмѣсто оберъ-офицерскаго); 2) депутатъ Бѣлгородскаго дворянства Выродовъ (XXXII, 198, и XXXVI, III приложение къ т. XXXII, № 7) предложилъ предоставить право просить о дворянствѣ всякому, кто по полученіи указаннаго законами Петра Великаго чина прослужить въ чинахъ 50 лѣтъ. Когда отецъ, въ офицерахъ будучи, 25 лѣтъ прослужить, то послѣ отца сынъ его долженъ считать только офицерскую свою службу, а ежели чего сынъ не дослужить, то внукъ его, считая въ офицерскомъ чинѣ, дослуживалъ бы; а когда внукъ, или хотя и сынъ, 50-ти лѣтній терминъ выслужить, тогда долженъ онъ государю бить челомъ, какъ о дворянствѣ, такъ и о дачѣ ему за службу на дворянство диплома и герба...“ Но ни то, ни другое изъ этихъ предложеній не получило поддержки отъ другихъ депутатовъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1912 г.

Урсинусъ въ этомъ вопросѣ заявлялъ совершенно особенное положеніе.

Первое заявленіе, какое ему пришлось по этому поводу сдѣлать, имѣло мѣсто въ засѣданіи 17 іюля (XXXII, 183). Оно примыкаетъ непосредственно къ заявленіямъ партіи Петровскихъ узаконеній и отличается только ясностью и опредѣленностью. „А чтобы потомки благородныхъ людей“ — говорилъ Урсинусъ — „кои отечеству никакихъ услугъ сами не оказываютъ, но даромъ наслаждаются его плодами, получили особыя преимущества предъ другими достойными, кромѣ принадлежащаго имъ дворянскаго титула и наслѣднаго права на родительское имѣніе ихъ, сіе, кажется, ни въ Наказѣ премудрой нашей Матери отечества, ни въ здоровомъ разумѣ не основано“. И для того представляетъ, „что, когда отечество наше уже не подвержено тому предразсужденію, которое служило къ чрезмѣрному возведенію дворянства въ другихъ государствахъ“, то не можетъ быть одного мнѣнія съ тѣми, кои ограничиваютъ дворянство единственно на тѣхъ, кои здѣсь въ 3 пунктѣ означены, съ исключеніемъ прочихъ, кои въ силу указовъ и по сіе время имѣютъ право пользоваться благородствомъ, и еще впредь оное право имѣть должны“. Съ этимъ мнѣніемъ Урсинуса заявили согласіе 39 депутатовъ: 22 отъ городскихъ поселеній, 1 отъ ново-крещенныхъ чувашъ, 1 отъ черносозныхъ крестьянъ, 4 отъ пахотныхъ солдатъ, 2 отъ однодворцевъ, 9 отъ казачьихъ войскъ. По прочтеніи голоса Урсинуса маршалъ спросилъ: „что бы вмѣсто сего (т. е. 3-й статьи) написать?“ Урсинусъ не былъ готовъ на редактированіе статьи въ окончательномъ видѣ и полагалъ, что это дѣло частной комиссіи, но на настойчивое требованіе маршала объявилъ, что „представитъ о томъ въ слѣдующее первое собраніе“.

Въ слѣдующее собраніе по вызову маршала Урсинусъ объяснилъ (XXXII, 188), что дворянство есть преимущество и, какъ такое, должно быть награжденіемъ за истинно полезныя услуги и служить средствомъ къ возбужденію духа гражданъ. Поэтому Урсинусъ предлагаетъ такую редакцію 3-й статьи: „дворяне суть всѣ тѣ, кои ради оказанныхъ отечеству весьма важныхъ услугъ и отличныхъ добродѣтелей симъ нарицаніемъ чести монархами пожалованы“. При этомъ (говорятся въ дневной запискѣ засѣданія, изложенной довольно спутанно) Урсинусъ высказывается противъ наслѣдственности дворянства. Но затѣмъ, указавъ, что „мысли высшихъ умовъ съ мыслями большей части людей весьма различны“, прибавилъ, что если, уступая человѣческой слабости, пожелаютъ учредить „наслѣдное дворянство, то статья 3 должна гласить такъ: „дворяне суть всѣ тѣ, кои Августѣйшими нашими монархами

чрезъ дипломы дворянскимъ именемъ пожалованы, и законные такихъ людей дѣти; такожде и тѣ, кои понынѣ въ службѣ находились или впредь находиться будутъ и управляютъ такіе чины, къ которымъ Императоръ Петръ Великій присовокупилъ дворянство, и законные ихъ потомки должны имѣть участіе въ дворянствѣ“. Объясняя предлагаемую редакцію, Урсинусъ сязалъ, что, если получившимъ извѣстные чины прежде будетъ позволено перевести дворянство на дѣтей, то будетъ непонятно, почему изъ такого права будутъ выключены тѣ, кто послѣ получить таковой же чинъ. Какъ будто „человѣкъ какого-либо ранга не будетъ впредь столь же достоинъ, какъ другой того же ранга понынѣ былъ“.

Такимъ образомъ Урсинусомъ предложены 2 редакціи для 2-хъ предположеній съ мотивами для каждой, что именно отъ него и требовалось. Маршалъ, вѣроятно не понявъ, въ чемъ дѣло, объявилъ (XXXII, 190), что депутатъ Урсинусъ „не о томъ (!) говорилъ, о чемъ у держателей дневной записки записался“, и „напомянулъ, чтобы г.г. депутаты непременно въ силу обряда поступать изволили“.

Настоящую мысль свою—о замѣнѣ наследственнаго дворянства личнымъ, или чѣмъ-то, ближе всего подходящимъ къ установленному Наполеономъ I почетному легіону, — Урсинусу не пришлось болѣе выдвигать.

Что же касается до второй редакціи, то ея содержаніе Урсинусу пришлось отстаивать еще не одинъ разъ, и при этомъ постоянно наталкиваться на сопротивленіе маршала, обнаруживавшаго, какъ впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, полное непониманіе и задачъ законодательной комиссіи, и сущности разсматриваемыхъ вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказывавшаго свою совершенную неспособность руководить работами комиссіи.

Нужно замѣтить, что въ томъ же засѣданіи 23 іюля, въ которомъ были представлены Урсинусомъ только-что разсмотрѣнныя 2 редакціи, еще нѣсколько депутатовъ предложили редакціи 3-ей статьи, тождественныя по смыслу со 2-ой редакціей Урсинуса. Очень многіе изъ депутатовъ—отъ городовъ, казаковъ, инородцевъ и другихъ низшихъ сословій — заявляли свое согласіе съ мнѣніями того или другого изъ названныхъ депутатовъ, или съ 2-мя изъ нихъ. Затѣмъ комиссія перешла къ разсмотрѣнію статей проекта, слѣдующихъ за 3-ею (хотя и послѣ нѣкоторые депутаты пользовались разными поводами поднять вопросы, по существу тождественныя съ разсмотрѣнными при 3-ей статьѣ).

Въ засѣданіи 7 августа комиссія, разсматривая послѣдовательно статьи проекта, остановилась на 26-ой статьѣ II главы. Когда всѣ

депутаты, записавшіеся въ этотъ день говорить по поводу назван-ной статьи, подали свои голоса, произошелъ эпизодъ, съ предше-ствовавшими разсужденіями не имѣвшій никакой связи и никѣмъ не ожидаемый: депутатъ Дмитровскаго дворянства князь Вяземскій (тайный совѣтникъ — сенаторъ) обратился къ собранію съ рѣчью, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ (XXXII, 260).

Кажется, что *дослужившіеся по сіе время до чина, приносящаго съ собою, въ силу нынѣ состоящихъ узаконеній, дворянское до-стоинство, онаго никакъ лишены быть не могутъ. Посему нужно устроить, „дабы все русскіе дворяне, кои отъ предковъ того имени рождены, и кои, дослужившись до сего времени, получили сіе достоинство по узаконеніямъ, — были порядочно разобраны, и онымъ бы сдѣланъ вѣрный списокъ, чрезъ что пресѣкнутся впредь всякаго рода споры (?)*.. Я мыслю прибѣгнуть въ словамъ Матери и Законодательницы отечества и всеподданнически просить, дабы Она соблаговолила повелѣть вышереченный разборъ дворянству учинить и вписать въ списокъ всѣхъ тѣхъ, кои отъ предковъ благо-городныхъ рождены, и тѣхъ, кои *дослужились до сего времени*, однимъ названіемъ, чрезъ что, уповаю, скорѣе бы могли проектъ правамъ благородныхъ разсмотрѣніемъ окончить (?)...“

По окончаніи чтенія представленія кн. Вяземскаго (прочтеннаго 2 раза), „вопросилъ господинъ маршалъ“ — говорится въ дневной запискѣ засѣданія — „согласны ли на оное г.г. депутаты? на что оказались почти все согласными, кромѣ г. депутата Дерптскаго отъ города Якова Урсинуса, который было началъ говорить, но удержанъ былъ отъ сего господиномъ маршаломъ тѣмъ, что, ежели кто не согласенъ, тотъ можетъ записаться у держателей дневной записки“. Записались двое: Урсинусъ и депутатъ Опочковскій отъ города Борзова ¹⁾. Получивъ разрѣшеніе говорить, Урсинусъ вы-сказалъ, „что сія матерія столь важна, что оную до будущаго собра-нія оставить надлежитъ“. Депутатъ Борзовъ „объявилъ о себѣ, что онъ въ будущее собраніе мнѣніе свое подастъ письменно“. Маршалъ объявилъ, что представленіе кн. Вяземскаго оставляется къ рѣ-шенію до будущаго засѣданія, потому что нѣкоторые г.г. депутаты того желаютъ.

¹⁾ Напрасно профессоръ Сергѣевичъ (въ статьѣ, напечатанной въ I книгѣ Вѣстника Европы въ 1878 г., стр. 250, — „Откуда исудачи Екатерининской законодательной комиссіи“) называетъ Борзова купцомъ: первымъ депу-татомъ города Опочки былъ действительно купецъ Ававасій Борзовъ; но онъ еще 20 іюня сдалъ депутатство своему брату Егору Борзову, *поручику* 4-го морскаго солдатскаго баталіона (XXXII, 148). Этотъ Егоръ Борзовъ и вы-ступилъ противъ кн. Вяземскаго въ засѣданіи 7 августа и въ послѣдующія

Такимъ образомъ сопротивленіе Борзова и, главнымъ образомъ, Урсинуса помѣшали тому, чтобы мнѣніе кн. Вяземскаго, противорѣчащее ясно выраженному уже весьма многими депутатами желанію *сохранить и на будущее время* право выслуги дворянскаго достоинства чиномъ, признающее только права уже выслужившихъ чины „до сего времени“, но по складу рѣчи какъ будто бы направленной главнымъ образомъ на сохраненіе прежнихъ правъ, было принято комиссіею подъ впечатлѣніями минуты почти единогласно.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (XXXII, 275—279) Урсинусъ и Борзовъ внесли свои мнѣнія. Урсинусъ высказалъ, что обязанность законодательной комиссіи „назначить тѣ правила, по которымъ сограждане наши должны почестся дворянами, а отнюдь не должны мы пещись о томъ, кто таковъ именно дворянинъ, потому что сіе принадлежит до герольдіи“. При герольдіи находятся мужи рачительные къ своимъ должностямъ, поэтому нѣтъ причины сомнѣваться, что герольдмейстерская инструкція исполнена, и что, слѣдовательно, въ герольдіи имѣются свѣдѣнія о томъ, кто именно принадлежит къ дворянскому сословію; если же бы, противъ чаянія, герольдія не исполнила своей должности, то стараться объ исполненіи состоявшихся указовъ дѣло не комиссіи, а сената.

Борзовъ также говорилъ, что учрежденіе особой комиссіи для разбора дворянства не нужно; что въ случаѣ надобности имѣть списки россійскихъ дворянъ и дослужившихся офицеровъ, то таковыя списки могутъ быть истребованы изъ герольдіи, а въ проектѣ правамъ благородныхъ нужно всѣхъ дослужившихся и дослуживающихся штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ не изъ дворянъ написать дворянами.

Съ мнѣніемъ Урсинуса согласились 66 депутатовъ (въ числѣ ихъ 6 дворянъ южныхъ провинцій), съ мнѣніемъ Борзова—6 депутатовъ (1 дворянинъ), съ мнѣніемъ обоихъ названныхъ депутатовъ—29. Въ то же засѣданіе выразили свое согласіе съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго 18 депутатовъ—въ томъ числѣ 12 депутатовъ дворянства, 2—присутственныхъ мѣстъ, 4—городовъ.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (XXXII, 288—291) произошло вѣчто весьма удивительное. „Сказано было отъ господина маршала, что г. депутатъ отъ герольдіи Приклонскій представляетъ, чтобы для лучшаго объясненія дѣла прочтены были первыя 8 отдѣленій даннаго ему отъ герольдмейстерской конторы наказа; того ради и не созвать ли оныя теперь выслушать,—что было и исполнено. По прочтеніи ихъ объявлялъ г. маршалъ, что собраніе слышало, что списки о дворянахъ еще не внесены въ герольдію, и потому она

требуетъ ихъ отъ комиссіи, которая не иначе исполнитъ, какъ всеподданнѣйшимъ вопрошеніемъ у Ея Императорскаго Величества, ибо сама комиссія къ истребованію ихъ и сообщенію въ герольдію способовъ никакихъ имѣть не можетъ... Почему (?) и надобно согласиться г.г. депутатамъ или съ г. депутатомъ кн. Вяземскимъ, или съ г.г. депутатами Урсинусомъ и Борзовымъ, чего и ожидать отъ нихъ имѣетъ въ будущее собраніе... а теперь для размышленія дается нѣсколько времени, въ продолженіе котораго слѣдующіе г.г. депутаты подписались, что они согласны съ мнѣніемъ депутата кн. Вяземскаго“.

За сямъ слѣдовали подписи 79 депутатовъ отъ дворянства, 33 депутатонъ отъ городовъ и 28 депутатовъ отъ однодворцевъ, служилыхъ людей, крестьянъ, инородцевъ и другихъ разночинцевъ— всего 140 депутатовъ.

Все описанное въ дневной запискѣ этого засѣданія способно вызвать удивленіе читателя. Читанный въ засѣданіи наказъ отъ герольдмейстерской конторы депутату ея напечатанъ въ XLIII томѣ Сборника Имп. Русскаго Истор. Общества (стр. 137—145). Въ предисловіи и первыхъ в пунктахъ или отдѣленіяхъ его дѣйствительно указывается на то, что „донынѣ вѣрныхъ извѣстій о дворянахъ и ихъ дѣтяхъ, въ службѣ служащихъ и отставныхъ, также умершихъ и вновь родившихся, изъ всѣхъ мѣстъ еще не прислао... Сверхъ прежней родословной книги, учиненной въ 7194 и 7195 годахъ (1686 и 1687 по Р. X.), въ которой написано токмо родословіе 169 родовъ, хранятся въ разрядномъ архивѣ поданныя въ прошлыхъ годахъ отъ разныхъ дворянскихъ фамилій родословныя росписи, изъ коихъ нѣкоторыя въ имѣющуюся нынѣ родословную книгу и внесены, но большая часть оныхъ оставлена безъ всякаго о достовѣрности ихъ свидѣтельства“.

Такимъ образомъ герольдмейстерская контора дѣйствительно свидѣтельствовала объ отсутствіи порядка въ ея дѣлахъ, но ни въ одномъ изъ прочтенныхъ въ комиссіи пунктовъ ея наказа *требованіе списковъ дворянъ отъ комиссіи*—вопреки утвержденію маршала—не заключается... Контора просила о повелѣніи ей сочинить родословную книгу, о распоряженіи, *чтобы дворянскія фамиліи доставляли обстоятельныя родословныя росписи, „родословіе каждый родъ съ начала отъ предковъ и доводили до нынѣшняго времени“*, и подавали эти росписи въ контору или въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ для немедленной пересылки въ контору. При этомъ контора просила (п. 8) разъясненія, „повелѣно ли будетъ всѣхъ“ дѣйствительно уже пользующихся по пріобрѣтеннымъ чинамъ дворянскимъ достоинствомъ, „писать въ родословную книгу; а *впродѣ*

дослуживающимся въ вонской, гражданской и придворной службѣ не изъ дворянъ до штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ достоинствомъ и правомъ дворянскимъ пользоваться ли—не соизволено ли будетъ сдѣлать единственное навсегда твердое узаконеніе“.

Стало бытъ герольдмейстерская контора просила отъ комиссіи именно того, что могло составить задачу комиссіи законодательной: общихъ правилъ—именно того, чего желали Урсинусъ и Борзовъ,—и съ предложеніемъ кн. Вяземскаго ничего общаго наказъ конторы не представлялъ. Маршалъ же представлялъ дѣло такъ: 1) какъ будто герольдмейстерская контора имѣла право иѣчто требовать отъ комиссіи, и 2) какъ будто для удовлетворенія этого требованія ничего не оставалось дѣлать, какъ принять предложеніе кн. Вяземскаго. Помянутыя подписи 140 депутатовъ показываютъ силу впечатлѣнія, произведеннаго на депутатовъ совершенно невѣрными заявлениями маршала. Въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе 18 августа (XXXII, 297 и 298) происходила баллотировка предложеній кн. Вяземскаго, Урсинуса и Борзова. Чтобы дать возможность правильно судить о томъ, что именно произошло въ это засѣданіе, приведу подлинныя слова изъ той части дневной записки, которая относится къ произведенной баллотировкѣ. Маршалъ „сказалъ, что извѣстно г.г. депутатамъ, въ чемъ состоитъ представленіе депутата кн. Вяземскаго, и въ чемъ состоитъ мнѣніе г.г. депутатовъ Урсинуса и Борзова, въ разсужденіи чего и надлежитъ мнѣніе ихъ рѣшить баллами такимъ образомъ, чтобы тотъ, кто согласенъ съ г. депутатомъ кн. Вяземскимъ, положилъ свой шаръ въ правую сторону, а тотъ бы въ лѣвую, кто согласенъ съ депутатомъ Урсинусомъ и Борзовымъ. Вопросъ же, о которомъ рѣшенію быть слѣдуетъ, состоитъ въ томъ, *надлежитъ ли учинить всеподданнѣйшій докладъ Ея Императорскому Величеству о учиненіи разбора дворянству и о внесеніи въ списокъ дворянскій какъ рожденныхъ отъ предковъ благородныхъ, такъ и дослужившихся до чину, приносящаго съ собою достоинство дворянское.* При чемъ также и во время самой раздачи шаровъ г.г. депутатамъ не преминулъ г. маршалъ имъ паки напомнить, чтобы тѣ клали шары въ правую сторону, которые согласны съ г. депутатомъ кн. Вяземскимъ, а которые согласны съ г.г. депутатами Урсинусомъ и Борзовымъ, тѣ бы положили свои шары въ лѣвую сторону“. Результатъ баллотировки: Большинство 242 голосовъ противъ 157 на сторонѣ кн. Вяземскаго.

Что можно было вывести изъ такой баллотировки? маршалъ отчетливо объяснялъ—быть можетъ, даже употребляя на то совершенно лишнія усилія,—въ которую сторону нужно класть шаръ при согласіи съ мнѣніемъ кн. Вяземскаго и при согласіи съ

мнѣніями Урсинуса и Борзова. Но въ чемъ разнятся эти 2 мнѣнія? Или пониманіе этого вопроса маршалъ хотѣлъ нарочно затемнить въ головахъ депутатовъ, призываемыхъ къ баллотировкѣ, или такого пониманія ему самому недоставало. Будто бы идетъ рѣчь о томъ, вносить ли въ дворянскій списокъ уже дослужившихся до дающаго дворянство чина? Выходить, будто противники предложенія кн. Вяземскаго не желаютъ внесенія дослужившихся до дворянства въ дворянскіе списки, тогда какъ они и прежде и въ предпоследнее засѣданіе заявляли, что должно включить въ число дворянъ и выслужившихъ уже извѣстные чины, и тѣхъ, кто выслужить ихъ впоследствии.

Пра постановкѣ вопроса, сдѣланной маршаломъ, за предложеніе кн. Вяземскаго могли стать одинаково и противники Петровскихъ узаконеній, желавшіе признать ихъ силу лишь за прошедшее время, и сторонники ихъ, желавшіе ихъ удержать и на время будущее, но полагающіе, что теперь необходимо защищать противъ кого-то права уже пріобрѣтенныя. Замѣчательно, что въ засѣданіи 18 августа присутствовалъ англійскій посоль лордъ Каскартъ (Cathcart), описавшій засѣданіе это въ письмѣ къ лорду Уаймоуту (Weymouth) отъ 19—30 августа (XII, 355—361). Оказывается, что онъ — безъ сомнѣнія на основаніи того, что ему сказали спутники, — думалъ, что идетъ вопросъ о томъ: признавать ли дворянство за всѣми лицами, достигнувшими офицерскаго чина, и удивился большому числу лицъ, составившихъ меньшинство, полагая ихъ всѣхъ противниками признанія. Такъ же неправильно понялъ результатъ баллотировки 18 августа проф. Брикнеръ, который въ цитированной уже II главѣ IV ч. исторіи Екатерины II (стр. 572) говоритъ: „пренія... окончились баллотировкою, въ которой большинство голосовъ (242) высказалось въ пользу правъ служащаго дворянства, хотя весьма значительное число депутатовъ подало голосъ въ ущербъ дворянскимъ правамъ офицеровъ“. Во всякомъ случаѣ изъ результата произведенной баллотировки никакого заключенія вывести было невозможно, а дѣло комиссіи не подвинулось впередъ ни на шагъ. И это была единственная баллотировка по единственному законопроекту, внесенному на разсмотрѣніе Большой комиссіи! Совершенно правильная оцѣнка, какъ этой баллотировки, такъ и вообще дѣятельности маршала Бибикова и того вреда, который онъ принесъ дѣлу комиссіи своей неспособностью руководить ею, дана профессоромъ Сергѣевичемъ въ его статьѣ объ Екатерининской комиссіи въ № 1 „Вѣстника Европы“ 1878 г. (стр. 250). Въ настоящей статьѣ невозможно не коснуться вопроса о роли маршала въ исторіи комиссіи — въ виду того, что на дѣятель-

ности Урсинуса неспособность маршала ложилась особенно тяжело, хотя въ то же время давала многимъ свойствамъ Урсинуса обнаруживаться съ особенною яркостью.

Баллотировка 18 августа, не давъ никакого указанія на мнѣніе большинства комиссіи относительно 3-ей статьи проекта правамъ благородныхъ, не прекратила и ея обсужденія.

Послѣ обсужденія проекта по статьямъ были открыты пренія по всему проекту въ порядкѣ его статей. Снова была выставлена для обсужденія 3-я статья I главы проекта, и Урсинусу пришлось критиковать ее въ спорѣ съ депутатомъ Старицкаго дворянства Нарышкянымъ (XXXVI, 8). Урсинусъ указывалъ, что статья эта неясно опредѣляетъ въ будущемъ право на дворянство получающихъ оберъ-офицерскіе чины, и требовалъ внесенія въ законъ указанія, что всѣ достигшіе извѣстнаго чина суть дворяне. Того же требовалъ депутатъ Кіевскій отъ шляхетства Золотницкій. Оспаривавшій ихъ Нарышквинъ повторялъ одно и то же, что статья утверждаетъ дворянство за тѣмъ, кто его пріобрѣлъ такъ или иначе, какъ будто не понимая, что всѣхъ интересуетъ рѣшеніе вопроса: какъ будетъ далѣе, будутъ ли производимые впредь офицеры вмѣстѣ съ чиномъ пріобрѣтать дворянство. Замѣчательно, что, когда Урсинусъ поставилъ вменю вопросъ ребромъ, спросивъ: „что по новому закону офицеры — дворяне ли?“ г. маршалъ упомянулъ, что не о томъ дѣло идетъ (?!). Далѣе читаемъ въ дневной запискѣ: „Господинъ депутатъ Урсинусъ сказалъ, что законъ этотъ (3-я статья I главы проекта) несовершенный, а надобно, чтобъ законы были совершенны (т. е. ясны—не допускали двоякаго толкованія), какъ то и Ея Императорское Величество указала. Потомъ г. маршалъ какъ объяснилъ (?), господинъ же депутатъ Урсинусъ говорилъ, что они дворяне до сихъ поръ, а ежели симъ закономъ старые уничтожатся, то они будутъ сомнительны въ дворянствѣ; почему для будущаго времени этотъ законъ недостаточенъ, если уничтожатся всѣ древнія узаконенія“.

Такъ до конца маршалъ не понималъ—или не хотѣлъ понять—въ чемъ сущность дѣла, на разъясненіе котораго потрачено столько времени и столько силъ. Можно представить себѣ, какъ легко было вести дѣло въ такомъ собраніи, руководителемъ котораго вносились столько путаницы, не понимая ни задачъ, лежащихъ на собраніи, ни сущности разсматриваемыхъ вопросовъ. Тѣмъ болѣе чести заслуживали члены комиссіи, которые настойчиво стремились прояснить своимъ коллегамъ ихъ обязанности и значеніе дѣла, подлежащихъ ихъ обсужденію. Несомнѣнно, Урсинусъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду такихъ членовъ, неутомимо работая,

несмотря на столь часто выказываемое ему нерасположеніе и противодѣйствіе со стороны руководителя комиссіи. Указаніе на прямое нерасположеніе къ Урсинусу высшихъ сферъ мы находимъ въ томъ же письмѣ лорда Каскарта, которое было выше цитировано. Лордъ Каскартъ, безъ сомнѣнія на основаніи сообщеній своихъ спутниковъ, сопровождавшихъ его въ комиссію, пишетъ: „Мы говорили, что часто вопросы не проходятъ, часто голоса раздѣляются на самыя мелкія партіи, и что одинъ членъ (Урсинусъ, профессоръ изъ Дифляндіи) не соглашается почти ни на одно предложеніе“ (XII, стр. 360). Какъ уже было сказано, работа Урсинуса главнымъ образомъ проявилась при разсмотрѣніи проекта, одна изъ начальныхъ статей котораго, какъ мы видѣли, такъ долго—и въ сущности такъ безплодно—занимала комиссію. Эта именно работа и вызвала внушительное Каскарту мнѣніе объ Урсинусѣ. Переходимъ къ другимъ статьямъ проекта, вызвавшимъ наиболѣе важныя замѣчанія Урсинуса. Тутъ увидимъ, насколько справедливо упрекать его въ желаніи оспаривать предложенія во что бы то ни стало, хоть и безъ достаточныхъ причинъ.

Въ 1 главѣ проекта за указаніемъ способовъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства слѣдовало указаніе условій, при которыхъ дворяне лишаются своего званія. Относящаяся къ этому предмету послѣдняя статья 1 главы—8-ая—была изложена такъ: „Лишить благородства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими, основанію его достоинства противными, поступками. Противные жъ благородству поступки суть: измѣна, разбой, воровство всякаго рода, нарушеніе клятвы, лжесвидѣтельство въ важныхъ дѣлахъ, кое самъ дѣлалъ, или другихъ уговаривалъ дѣлать, составленіе лживыхъ крѣпостей и другихъ тому подобныхъ писемъ, какъ о томъ точно въ юстицкой части изображено“.

Статья эта вызвала въ комиссіи весьма разнообразныя сужденія. Представители дворянства требовали, чтобы лишать кого-нибудь дворянскаго достоинства могъ только Государь. Одинъ изъ дворянскихъ депутатовъ—депутатъ Верейскаго дворянства Степановъ—высказался (XXXII, 206), что „статья, кажется, столь многими наполнена причинами къ лишенію дворянства, что и самый добродѣтельный человѣкъ, особливо обязанный какою-либо должностію, во всегдашней будетъ опасости лишиться онаго“. Степановъ стоялъ повидимому (изложеніе дневной записки спутанное) за сохраненіе лишь слѣдующихъ „причинъ“: воровство всякаго рода и нарушеніе клятвы. Представители городовъ и низшихъ сословій требовали, напротивъ, увеличенія числа поводовъ къ лишенію дворянства. Нѣкоторое увеличеніе числа поводовъ предлагалъ оцекувъ отъ ино-

вѣрцевъ Олсуфьевъ, и съ нимъ согласились 6 дворянъ в 17 представителей другихъ сословій. Особенно характерно заявленіе Тамбовскаго депутата отъ города Дитятева. „Надлежитъ прибавить“, говорилъ онъ... „ежели благородный какого честнаго человека убьетъ до смерти, изувѣчитъ, порубитъ шпагою или, въ домъ заволокши станетъ съчъ и обругаетъ женщину, какъ то сіе нерѣдко случается а особливо въ отдаленныхъ городахъ, то бы за сіи тяжкія обиды, по лишеніи дворянства, чинить по точной строгости законовъ и чрезъ то облегчить гражданамъ жребій, который они съ великою обидою всегда чувствуютъ“. Это заявленіе интересно сопоставить съ приведеннымъ выше идеальнымъ взглядомъ нѣкоторыхъ дворянъ—кн. Щербатова, Чаадаева, Стромиллова—на ихъ сословіе, какъ на подготовленное преданіями и воспитаніемъ служить на пользу отечества. Представители низшихъ сословій, оказывается, „нерѣдко“ видѣли, что ни преданія, ни воспитаніе высшаго сословія не препятствуютъ принадлежащимъ къ нему лицамъ дѣйствовать не на пользу, а во вредъ своимъ согражданамъ, и потому ни расширение правъ дворянскихъ, ни принятіе мѣръ противъ вторженія въ дворянскую среду новыхъ, чуждыхъ ей, элементовъ сочувствія низшихъ сословій привлекать не могло.

Радикальнѣе всѣхъ предложеній объ увеличеніи числа поводовъ къ лишенію дворянскаго достоинства было предложеніе Урсинуса [ibidem], которое, очевидно, было логическимъ выводомъ изъ его желанія сдѣлать дворянское достоинство наградою за личныя заслуги иъ него возводимого. Онъ говорилъ, что „не только за сіи преступленія, но и за каждое прегрѣшеніе, ради котораго чиновникъ лишается чина своего, и за всѣ по криминальнымъ законамъ запрещенныя дѣла дворянинъ долженъ сдѣлаться недостойнымъ своего дворянства; ибо какимъ правомъ порокамъ подверженный дворянинъ достоинъ быть можетъ за собою содержать дворянское достоинство между добродѣтельными своими согражданами, когда отрицныя добродѣтели основаніемъ бываютъ дворянства“.

Въ томъ же засѣданіи, въ которомъ разсматривался вопросъ о поводахъ къ лишенію дворянскаго достоинства, коммиссія перешла къ разсмотрѣнію II главы проекта, посвященной исчисленію правъ, принадлежащихъ членамъ дворянскаго сословія.

Не имѣя надобности слѣдить за дѣятельностью коммисіи въ хронологическомъ ея порядкѣ, я обращусь теперь къ преніямъ, возбужденнымъ тѣми статьями II главы, которыя по содержанію своему ближе всего подходятъ къ разсмотрѣннымъ вопросамъ о приобрѣте-

ніи и потерѣ дворянскаго достоинства. Эти статьи 34-я и 35-я, въ которыхъ читаемъ слѣдующее:

Ст. 34. „Благородный, взявъ въ супружество хотя и неблаго-родную, но не безчестную и не обруганную женщину, сообщаетъ какъ ей, такъ и дѣтямъ, отъ онаго супружества происшедшимъ, благородство и право онаго. А кого почитать обезчещеною женщиною, о томъ значится въ законахъ“.

Ст. 35. „Благородная, вышедшая въ замужество хотя и за неблаго-роднаго, но чиновнаго человѣка, права своего не теряетъ, и мужу и дѣтямъ, отъ сего супружества рожденнымъ, не сообщаетъ онаго; вышедшая же въ замужество за неблаго-роднаго и нечинов-наго человѣка лишается благородства и права онаго“.

При первоначальномъ разсмотрѣніи 34 статьи (XXXII, 285) Урсинусъ желалъ показать противорѣчіе между 34 и 35 статьями, которыя совершенно противоположно опредѣляютъ судьбу дворянина и дворянки, вступающихъ въ неравные браки, и, будучи вызванъ говорить о 34 статьѣ, просилъ позволенія припомнить 34 статью, когда онъ будетъ опровергать 35-ю. Маршалъ, оставаясь и тутъ при полномъ непониманіи дѣла, сказалъ ему, „что спрашивается теперь отъ него мнѣніе на 34 статью, а не на 35-ю, и такъ бы онъ говорилъ о 34-ой статьѣ, а о 35-ой говорилъ бы тогда, когда должно будетъ говорить объ одной“ (этотъ урокъ профессору выно-сываю буквально изъ дневной записки; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе и профессора Сергѣевича—см. предисловіе къ XXXII тому Сб. И. Р. И. О., стр. XVII и XVIII). Тогда Урсинусъ сказалъ, что ежели дворянка лишится дворянства, вышедши въ замужество за неблаго-роднаго и нечиновнаго человѣка, то по тѣмъ же причинамъ должно лишать дворянства и дворянина, женившагося на женщинѣ средняго рода, ибо одинаково дѣло дворянина, какъ и дворянки. Съ этимъ мнѣніемъ согласился одинъ изъ городскихъ депутатовъ. Насколько это мнѣніе согласовалось съ понятіями са-мого Урсинуса, это видно изъ той же дневной записки—изъ того мѣста ея, въ которомъ идетъ рѣчь объ разсмотрѣніи комиссіею 35 статьи (XXXII, 287). Урсинусъ указалъ на противорѣчіе послѣд-ней статьи съ 8-ою статьею I главы, по которой „никого дворян-ства лишать не можно кромѣ какъ за таковыя преступленія“.

„Преступленіе ли сіе, что бѣдная дворянка съ человѣкомъ средняго рода благополучной сдѣлать себя дозволитъ?.. Потому, или совсѣмъ сію статью исключить, или, для предупрежденія противорѣчія, вно-сать въ 8-ую статью супружество съ человѣкомъ средняго рода ме-жду преступленіями, а тогда 34 статья исключается“.

Съ изложен-нымъ мнѣніемъ Урсинуса согласился 14 депутатовъ отъ городовъ и низшихъ сословіѣ.

Послѣ первоначальнаго разсмотрѣнія всего проекта устроенныя маршаломъ пренія снова коснулись 34 и 35 статьи II главы (XXXVI, 50—67). По этому поводу Урсинусу пришлось вести пренія съ депутатами: Старицкаго дворянства Нарышквинымъ и Подтавскаго, Гадляцкаго и Миргородскаго полковъ отъ шляхетства Мотонисомъ. Въ спорѣ съ первымъ Урсинусъ долженъ былъ разъяснить, почему необходимо говорить совмѣстно о 2-хъ поименованныхъ статьяхъ, затѣмъ въ сущности повторить то, что было имъ высказано ранѣе. Преніе съ Мотонисомъ представило большой интересъ. Передъ этимъ преніемъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ горячо возставалъ противъ лишенія правъ дворянки изъ-за замужества. Защищавшіе статью 35-ю утверждали, что нѣтъ здѣсь наказанія—дворянка добровольно выходитъ замужъ за мѣщанина, на примѣръ, и добровольно будетъ отказываться отъ правъ своего прежняго состоянія. Слово „лишается“ соглашались замѣнить другимъ—„отказывается“ (отъ дворянства и отъ правъ и преимуществъ, сему чину принадлежащихъ). Урсинусъ утверждалъ, что слово „добровольно“ не вполне уместно. „Благородная по разнымъ причинамъ, и часто по крайней своей бѣдности, быть можетъ склонена къ сему супружеству, и при томъ при суровости закона лишается своего благородства, и, хотя она сіе лишеніе меньшимъ зломъ, нежели внѣ супружества остаться, почитаетъ, однако мы никакого права не получимъ установить зло, гдѣ его совсѣмъ не надобно“... Существо супружества въ томъ единственно состоитъ, чтобы соединенными силами родить дѣтей и рожденныхъ воспитывать, и „никакихъ иныхъ неотлучимыхъ свойствъ оному приписывать невозможно: чтобъ мужъ сообщилъ званіе свое со своими выгодами женѣ и чтобъ она тѣмъ должна свои выгоды оставить—есть одно токмо предосужденіе, а не справедливый законъ... Права разныхъ государственныхъ чиновъ никакъ не смѣшаются, ибо дворянка останется отлично при своихъ правахъ, а мужъ ея—мѣщанинъ—также при своихъ. Сіе ли смѣшательство! Обыкновеніе и древніе законы мѣнія сего не опровергаютъ. Ибо законодательство—не раба древностей; но препоручила намъ Ея Императорское Величество справедливые законы проектировать, которыми бы всякія несправедливости древнихъ законовъ и привычекъ отмѣнены были... Причины депутата Мотониса, будто бы тѣмъ знатная особа нижею подвержена стада, изъ супружества не слѣдуютъ, ибо мужъ—глава въ своихъ, а жена—въ ея дѣлахъ. Ежели жъ ояъ—разумный человекъ, то не пристойно ли имѣть мудраго совѣтника или учителя изъ средняго рода? ибо мужъ только глава жены, равнымъ образомъ, какъ и Христосъ—глава церкви; а подобіе сіе не можетъ состоять

въ другомъ, какъ токмо въ совѣтахъ и ученіи, и ежели мужъ такъ мудръ, какъ должно, то ему и правленіе можно поручить, такъ, какъ и знатный господинъ во всемъ правленіи свое надежному человеку поручаетъ. Привычку варварскую—наказывать свою жену—упомягать не стоитъ, ибо она токмо изъ насильствъ произошла, равно какъ и владѣніе (власть?) надъ женами—потому что онѣ слабѣе, нежели мужи, сотворены“.

Изъ статей II главы проекта, относящихся къ личнымъ правамъ дворянъ, особенное вниманіе членовъ комиссіи привлекала къ себѣ статья 2-ая, въ которой говорится: „Благородные имѣютъ полную свободу набирать по собственной своей склонности и благозობренію такую службу, какую сами пожелаютъ... и равнымъ, напротивъ того, образомъ могутъ изъ службы по законамъ увольненіе брать, или совсѣмъ въ службу не вступать“. Свобода служить или не служить, данная дворянству Петромъ III, не нашла въ комиссіи единогласнаго одобренія. Противъ нея высказался (XXXII, 209—211): Уфимскій депутатъ отъ дворянства Аничковъ—и съ нимъ заявили согласіе 2 дворянскихъ депутата; Тарскій депутатъ отъ города Бекишевъ; Ярацскій депутатъ отъ города Антоновъ весьма рѣшительно—предлагая, чтобы дворяне, не вступившіе въ службу, теряли дворянство, и потомки ихъ не пользовались дворянскими правами до тѣхъ поръ, пока сами не дослужатся до оберъ-офицерства.

Съ мнѣніемъ Антонова согласился 25 депутатовъ отъ городовъ и одинъ депутатъ отъ казаковъ.

Урсинусъ высказалъ среднее мнѣніе. Онъ высказался за свободу дворянъ служить или не служить, но съ ограниченіемъ: онъ признавалъ обязательность службы для дворянъ, владѣющихъ вотчинами—„развѣ они въѣ службы посвящаютъ себя такимъ упражненіямъ, которыя приносятъ отечеству преимущественную пользу, и за кои и правленіе само присматривать право имѣеть“. Съ Урсинусомъ согласился 16 депутатовъ отъ городовъ и 8 отъ казаковъ и служилыхъ людей. Мнѣніе Урсинуса помѣщено въ подлинникѣ въ XXXVI томѣ сборника И. Р. И. О., на страницахъ 301—302. Тамъ находимъ мотивы, пропущенные въ дневной запискѣ, по которымъ я считаю необходимымъ здѣсь привести. „Извѣстно“,—писалъ Урсинусъ—„что въ древнія времена большая часть деревень были помѣстья, и что блаженной и вѣчной славы и памяти достойный Государь Императоръ Петръ Великій, перемѣняя сныя въ вотчины, повелѣлъ каждому дворянину служить подъ опасеніемъ лише-

нія его дворянства и вотчинъ. Справедливость сего повелѣнія утверждается тѣмъ, что тогдашнія государственныя нужды того требовали, и что тѣ, кои получили отъ отечества свои вотчины, должны были за то оказывать оному полезныя услуги. А услуги дворянства еще надобны отечеству вашему, и кажется, что коронныя маестности въ слѣдующія потомъ времена пожалованы въ томъ намѣреніи, чтобы владѣтели оныхъ чрезъ то въ состояніи были продолжать отечеству свою службу, а не для того, чтобъ чрезъ оныя содержать отечеству бесполезныхъ потомковъ. Нынѣшняя служба противъ прежней гораздо труднѣе, почему и весьма многіе изъ дворянства оставляютъ оную, если они имѣютъ хотя малое имѣніе, чѣмъ себя содержать; остаются въ службѣ по большей части бѣдные, кои, когда они происходятъ въ знатныя чины, по примѣру богатыхъ фамилій держать великіе расходы весьма трудно. Кто содержитъ и пропитаетъ своего ближняго, требуетъ отъ него взаимныя услуги,—равномѣрно отечество имѣетъ право требовать того жъ отъ дворянъ, кои получаютъ отъ деревень и крестьянства не токмо свое пропитаніе, но и доходы на излишніе ихъ расходы“.

Когда, по разсмотрѣніи всего проекта, открылись пренія по отдѣльнымъ статьямъ его, по тому же вопросу о необходимости дворянской службы, Урсинусу пришлось оспаривать депутатовъ дворянства Нарышкина и Елагина (XXXVI, 17 и 18). Послѣдніе защищали необходимость службы, указывая въ то же время возможность для Верховной власти принудить дворянъ служить въ такое время, когда служба ихъ окажется необходимой. Урсинусъ приводилъ въ возраженіе то, что власть, принуждая дворянъ къ службѣ въ нужное для этого время, при существованіи общаго позволительнаго закона, будетъ сама себѣ противорѣчить, а также и то, что „дворянинъ, будучи отъ службы по закону свободенъ, не будетъ упражняться въ нужныхъ экзерциціяхъ, которыя необходимо надобны для нужнаго времени“, и отъ этого „сдѣлается вредъ цѣлому обществу“. Урсинусъ требовалъ, чтобы обязательность службы во время нужды была внесена въ законъ.

Очевидно, въ связи съ изложеннымъ здѣсь взглядомъ Урсинуса на значеніе дворянскихъ вотчинъ, стоятъ замѣчанія, имъ сдѣланныя на 20 статью II главы проекта, редактированную такимъ образомъ:

„Благородныхъ имѣніе, движимое и недвижимое, ни за какое, кромѣ преступленія въ оскорбленіи Величества, не отписывается, и то одно только благопріобрѣтенное, а не родовое. Въ случаѣ же казенныхъ и не казенныхъ долговъ берется только такая часть, которая, по продажѣ, требователей удовлетворять можетъ“. Урсинусъ высказалъ (XXXII, 247 и 248) по поводу послѣдней части

статья — вѣроятно считая въ ней неяснымъ указаніе, изъ какого имѣнія можно брать части для удовлетворенія кредиторовъ, — что долги должно уплачивать и изъ родового имѣнія должника. А по поводу первой части статьи онъ говоритъ: „Отъ дворянина же, въ тяжкихъ преступленіяхъ обвиненнаго, отнимается дворянство, и потому такой преступникъ ни подъ какимъ видомъ не заслуживаетъ милости быть участникомъ и владѣтелемъ дворянскихъ маетностей“. Дѣти такого дворянина еще права на отцовскія имѣнія не получили, и потому, при отписываніи отъ него имѣній, „отъ его наследниковъ ничего не отнимается“. Предлагая, такимъ образомъ, конфискацію имѣнія преступника, Урсинусъ, очевидно, рассматриваетъ право на дворянское имущество не какъ право собственности, но какъ жалованье за личную службу. Съ этимъ мнѣніемъ Урсинуса согласились 9 депутатовъ отъ городовъ.

Съ правомъ дворянъ служить и не служить связывается право свободного выѣзда за границу. Этому праву были посвящены 5-я и 6-я статьи II-й главы проекта, изъ которыхъ послѣдняя послужила предметомъ возраженій Урсинуса, одобренныхъ весьма многими депутатами. Въ статьѣ этой читаемъ: „Не возбраняется... въ чужихъ государствахъ не только временно, но и домами жить и всякое владѣніе пріобрѣтать, хотя бъ они здѣсь какимъ имѣніемъ владѣли, или нѣтъ“. Урсинусъ предложилъ къ этой статьѣ сдѣлать добавленіе: „если только дворянинъ въ Правительствующемъ Сенатѣ довольно докажетъ, что пребываніе его въ чужихъ краяхъ отечеству въ самомъ дѣлѣ въ пользу служить, и что поступки его на все время его тамъ бытности сему намѣренію соотвѣтствуютъ“. Въ объясненіяхъ къ этому предложенію въ голосъ, поданномъ Урсинусомъ (т. XXXVI, III приложение къ т. XXXII, № 14), читаемъ: „Когда онъ (дворянинъ) содержитъ себя въ чужихъ краяхъ изъ доходовъ съ своихъ маетностей, то уважить не излишне, что предки его получили оныя для того, чтобы чрезъ то тѣмъ лучше исправлять службу отечества, а не для того, чтобы проживать оныя у иностранцевъ“. Съ мнѣніемъ Урсинуса согласились 55 депутатовъ городовъ, войскъ и другихъ низшихъ сословій. Во время преній по первоначальному разсмотрѣнію всего проекта, Урсинусу пришлось отстаивать тѣ же мысли въ связи съ его основною мыслью о значеніи дворянства противъ кн. М. М. Щербатова (XXXVI, 19 и 20). „Дворяне“—говорилъ онъ—„могутъ ѣхать въ чужіе края, только бъ доказывали, что бытность ихъ тамъ служить въ пользу отечества; и ежели они не служатъ ничѣмъ отечеству, то ихъ бытность противится основанію ихъ дворянства; сверхъ того, дѣти ихъ, тамъ

дожденныя, меньше еще показывали услугъ отечеству, а дворянство только заслуженныхъ людей награжденіе по силѣ Большого Наказа... Если кто выѣдетъ изъ отечества для пользы онаго, то по пріѣздѣ долженъ объявить въ Сенатѣ, что онъ хорошаго примѣталъ и чему обучился“.

Въ проектѣ „правамъ благородныхъ“ заключалось нѣсколько статей, опредѣлявшихъ почетныя и другія привилегіи дворянскаго сословія. При обсужденіи этихъ статей Урсинусъ проявлялъ старанія, чтобы дворяне, не имѣющіе личныхъ заслугъ, не были ни въ какомъ случаѣ поставлены выше людей заслуженныхъ, какого бы рода ни были послѣдніе, съ другой же стороны, чтобы лица другихъ сословія не терпѣли излишнихъ стѣсненій изъ-за предоставленія различныхъ правъ въ исключительное пользованіе одного сословія.

Рѣшительно отрицательное отношеніе встрѣтило со стороны Урсинуса помѣщеніе въ проектѣ такихъ статей, которыя устанавливали для дворянъ привилегированное положеніе въ судѣ, вопреки началу равенства всѣхъ гражданъ предъ судомъ. Сюда принадлежатъ статьи 30-я и 33-я II главы. Въ 1-й изъ нихъ читаемъ: „Благородный, впадши въ подозрѣніе по дѣламъ, до чести и жизни касающимся, сверхъ назначенныхъ судьей, можетъ со своей стороны назначить одного судью, кого онъ заблагоразсудитъ, въ который на то самъ согласится, и можетъ представить для защищенія своего дѣла одного стряпчаго или ходатая въ предписанное законами время“
Во 2-й:

„Ежели благородный по тяжбынымъ дѣламъ заслужитъ лицемство, то можетъ, представя надежный за себя залогъ, свободиться онаго“.

По прочтеніи 30-й статьи многіе депутаты отъ городовъ, отъ пахотныхъ солдатъ и отъ другихъ низшихъ сословія высказались противъ нея (XXXII, 273—275). Первымъ высказался депутатъ города Мензелинска отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Леонтьевъ. Онъ говорилъ, что безпристрастіе въ судѣ и безопасность потребны, сколько для дворянина, столько и для всякаго человѣка, какого бы онъ званія ни былъ: „слѣдовательно, статья сія, заключающая въ себѣ средство избѣгать судейскаго пристрастія и быть безопасну, долженствуетъ имѣть свое мѣсто въ общемъ правѣ. Право употреблять въ судахъ стряпчаго принадлежатъ равнымъ образомъ всѣмъ вообще“. Другіе высказывали боязнь за то, что послѣдствіемъ

утвержденія такой статьи можетъ произойти поворота преступникамъ, и они не будутъ чувствовать страха за свои преступленія. Всего говорившихъ противъ 30 статьи въ I засѣданіи по ея прочтеніи и согласившихся съ нею было, кромѣ Леонтьева, 34 человѣка.

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи (XXXII, 280) Урсинусъ высказалъ свое мнѣніе, что „праводушныиъ человѣкъ не страшится ни судей, ни строгости законовъ“, и что дворянамъ требовать какихъ-нибудь преимуществъ при производствѣ о нихъ криминальныхъ дѣлъ не пралично до разсмотрѣнія проектовъ судоустройства и судоприваводства, пока не будутъ увѣрены, что испрошеніе преимуществъ необходимо нужно. Съ мнѣніемъ Урсинуса согласились 11 депутатовъ отъ городовъ и другихъ низшихъ сословіи.

По поводу 33-й статьи II главы проекта Урсинусъ высказался 2 раза: при первоначальномъ разсмотрѣніи статьи (XXXII, 284 и 285) и въ преніяхъ по ней послѣ первоначальнаго разсмотрѣнія всего проекта (XXXVI, 49). Оба раза онъ говорилъ приблизительно одно и то же: что можно постановить въ законахъ, которыхъ составленіе поручено частной комиссіи о юстиціи, что всѣмъ вольнымъ людямъ (во 2-й разъ было сказано: всякому человѣку) предоставляется освобождать себя отъ взятія подъ стражу („лиценмства“): въ случаяхъ, если ихъ проступки караются только деньгами и имѣніемъ,—внесеніемъ надежнаго залога, а при преступленіяхъ, касающихся до чести и жизни,—представленіемъ поруки.

Съ мнѣніемъ Урсинуса, представленнымъ при первоначальномъ разсмотрѣніи статьи, согласились 17 депутатовъ отъ городовъ, казачковъ, пахотныхъ солдатъ и крестьянъ. Однако стремленіе къ равенству всѣхъ гражданъ передъ судомъ не расположило Урсинуса подать голосъ противъ существенно важной привилегіи дворянъ, которую устанавливалъ проектъ правнлъ благородныхъ въ статьѣ 4-й II главы („благородные не подвержены никакому тѣлесному наказанію“). Статья встрѣтила сильное противодѣйствіе въ депутатахъ низшихъ сословіи (XXXII, 216—219). Большая часть этихъ депутатовъ настаивала на томъ, чтобы дворяне, лишаются дворянскаго достоинства за преступленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ подлежали и тѣлесному наказанію. Особенно сильно возсталъ противъ 4-й статьи депутатъ Тамбовской провинціи отъ одадворцевъ Вединѣвъ, въ поданномъ голосѣ котораго читаемъ (XXXVI, III прил. къ т. XXXII, № 13): „Благородный отъ невоздержанія своего, обнадѣясь, что ему нѣтъ наказанія, единымъ днемъ поравнать 10 человѣкъ, изъ которыхъ можетъ иному приключиться смертный часъ,

то не возопіеть ли убитого неповинность проливаемой крови ко Господу. Слѣдовательно, за вложенную отъ благороднаго всякому христіанину отъ насилія его рану дать тѣлесный штрафъ“. Веденіевъ кончаетъ ссылкой на заключающіеся въ Кормчей книгѣ „градскіе законы“ (Прохиронъ Василя Македонянина). Урсинусъ не участвовалъ вовсе въ преніяхъ по 4-й статьѣ. Очевидно, онъ признавалъ бесполезнымъ предлагать распространеніе ея на прочія сословія—такое предложеніе не могло встрѣтить сочувствія. Но онъ не былъ сторонникомъ тѣлесныхъ наказаній. Этимъ и можетъ только быть объяснено допущеніе имъ неравенства въказаній для преступниковъ различныхъ сословій. Неравенствомъ полагалось начало желательному смягченію карательной системы.

Цѣлый рядъ замѣчаній былъ сдѣланъ Урсинусомъ на статьи проекта, относящіяся къ праву дворянъ на владѣніе „деревнями“. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній весьма понятны и вытекаютъ изъ основныхъ мыслей Урсинуса о необходимости ставить главною цѣлю законовъ пользу общую; другія скорѣе всего могутъ быть объяснены тѣмъ, что дѣлавшіе ихъ не понимали значенія критикуемыхъ имъ законопроектовъ, которые впрочемъ и для многихъ остались непонятными и никакъ разъясняемы не были (профессоръ Сергѣевичъ основательно замѣтилъ въ предисловіи къ XXXVI тому Сб. И. Р. И. О.—страницы I и II—и въ статьѣ „Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи“ въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1878 г. стр. 240, что въ нарушение составленнаго Императрицей „Дополненія къ Обряду управленія Комиссіей“ не былъ избранъ защитникъ проекта, а изъ естественныхъ защитниковъ — составителей проекта — ни одинъ „не сказалъ ни слова въ его защиту, ни даже въ объясненіе смысла его статей“). Можно догадываться, что нѣкоторыя статьи проекта были составлены въ видахъ облегченія крѣпостного права и содѣйствія къ освобожденію крестьянъ. И вотъ эти-то статьи и настоящая цѣль ихъ Урсинусомъ поняты не были. Обращаюсь именно къ этимъ статьямъ. Въ статьѣ 12-й II главы проекта читаемъ: „Благородные имѣютъ право владѣть деревнями по узаконеніямъ“. Къ ней сдѣлано Дирекціонной Комиссіей слѣдующее примѣчаніе: „Какъ далеко власть или право владѣльца надъ его деревнями простирается, о томъ поручено трудиться комиссіи объ имѣніяхъ“. Кажется, несомнѣнно, что здѣсь имѣлась цѣль открыть возможность частной комиссіи объ имѣніяхъ установить нѣкоторыя ограниченія помѣщичьей власти въ смыслѣ указаній, сдѣланныхъ Наказомъ Императрицы, или предложеній Коробьяна. Между тѣмъ Урсинусъ предлагалъ (XXXII,

228 и 229) эту статью исключить, такъ какъ законъ, о которомъ идетъ рѣчь, долженъ заключать права, дворянамъ въ особенности принадлежащія, а „право владѣть деревнями есть право владѣть своимъ имѣніемъ, которое право всякому гражданину принадлежитъ“.

Въ ст. 13-ой говорится: „Благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнять уже не можно“. По поводу этой статьи послѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ: что такое свобода деревень? чѣмъ имѣютъ онѣ отъ крѣпостныхъ отмѣнность (XXXII, стр. 229 и слѣдующія)? Урсинусъ, очевидно, также не понимая, въ чемъ дѣло, предложилъ (стр. 230 и 231) слово „свободныхъ деревень“ совсѣмъ исключить. Слово это онъ находилъ двоякомышленнымъ, ежели же „подъ симъ званіемъ разумѣются люди, то совсѣмъ не приличнымъ“.

Въ статьѣ 14 читаемъ: „Благородные могутъ дѣлать благороднымъ завѣщаніямъ съ условіемъ, законами опредѣленнымъ, на деревни свободныя; крѣпостныхъ же деревень завѣщать таковымъ образомъ не можно“ (примѣчаніе Дирекціонной комиссіи: „въ чемъ состоитъ условіе, и какіе оному положить предѣлы, о томъ поручено трудиться той же комиссіи объ имѣніяхъ“).

Въ статьѣ 16-ой: „Благороднымъ дозволяется благопріобрѣтенныя свободныя деревни отказывать всякому благородному, кому они заблагоразсудятъ, крѣпостныхъ же деревень и родовыхъ свободныхъ никто дарить не можетъ“.

Смыслъ обѣихъ статей, кажется, понятенъ: устанавливаются извѣстныя льготы въ пользу свободныхъ деревень, чѣмъ желаютъ расположить помѣщиковъ обращать свои крѣпостныя деревни въ свободныя, т. е. освобождать своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Урсинусъ, не принявъ этого обстоятельства во вниманіе, предлагаетъ примѣнять ко всякимъ имуществамъ общія правила: свободы завѣщаній для имуществъ благопріобрѣтенныхъ и запрещенія завѣщать имущества родовыя (XXXII, 236). По поводу ст. 16-й кн. Щербатовъ (XXXII, 239—241) предложилъ возстановить право дарить и отказывать благопріобрѣтенное имѣніе (хотя бы то была крѣпостная деревня) всякому благородному. Урсинусъ соглашался на предложеніе кн. Щербатова, но только съ своей стороны предложилъ исключить слово „благородному“, ибо „не запрещено отказывать землю человѣку средняго рода, а когда на ней поселяются колонисты и вольные люди, то и сіе поселеніе не заключаетъ въ себѣ никакой причины, чтобы запретить пере-

веденіе владѣнія сихъ свободныхъ деревень на людей средняго рода". Такимъ образомъ, исчезало бы поощреніе къ переводу крѣпостныхъ деревень въ разрядъ деревень свободныхъ, но утверждалось право педворянъ на обладаніе сельско-хозяйственными угодьями—право, о которомъ Урсинусъ весьма заботится.

Съ особенною подробностью Урсинусъ высказалъ свою мысль объ общемъ правѣ на земельныя угодья по поводу разсмотрѣнія 21 статьи II главы проекта, въ которой говорилось: „Благороднымъ дозволяется продавать и закладывать всякія, кромѣ условіемъ запрещенныхъ, деревни по своей волѣ, только бы тотъ, кому они продаютъ, *человѣкъ былъ благородный*“.

Урсинусъ предложилъ слѣдующее измѣненіе (XXXII, стр. 251): „только бы тотъ, кому оныя продаютъ, *человѣкъ былъ такой, кому деревнями владѣть не запрещено*“. Подлинный голосъ помещевъ въ т. XXXVI Сборника И. Р. И. О., въ III приложеніи къ тому XXXII подъ № 25. Здѣсь развиваются слѣдующія мысли: „Домостроительство... необходимо требуетъ столько искусства и прилежности, сколько всякая служба, а почти все крестьянство и все земское (земельное, сельское) хозяйство въ государствѣ состоятъ во власти приказчиковъ, кои, упражняясь единственно въ сборѣ доходовъ, о поправленіи домостроительства никогда не помышляютъ. Посему законъ, по которому такимъ людямъ, кои съ молодыхъ лѣтъ обучались домостроительству и о приращеніи онаго усердствуютъ, не дозволено кушить вотчины по той причинѣ, что они не изъ дворянства, долженъ почестся за запрещеніе, по которому достойные люди не имѣютъ быть допущены къ службѣ отечества, буде они не дворяне. Не воспослѣдовали (ли?) бы государству важная польза оттого, если бы люди, имѣющіе способность и охоту къ земскому хозяйству, покупали въ каждомъ уѣздѣ вотчины, дабы подавать около лежащимъ крестьянамъ и прикащикамъ хорошіе примѣры, по которымъ бы и имъ домостроительство свое исправлять“. Въ подтвержденіе своего протеста противъ принятія разсматриваемой статьи проекта въ законъ, Урсинусъ говоритъ, что если этотъ законъ будетъ простираться до всѣхъ провинцій въ государствѣ, то будетъ онъ предосудителенъ и привилегіямъ моихъ собратьевъ въ городѣ Дерптѣ, ибо въ силу данной Дерптскимъ Епископомъ Юганомъ привилегіи отъ 16 декабря 1540 года имъ позволено имѣть за собою во владѣніи рыцарскія имѣнія безъ исключенія передъ другими“.

Это и есть единственный разъ, что Урсинусъ сослался на остзейскія привилегіи. Очевидно, здѣсь ссылка на XVI столѣтіе отнюдь не имѣла значенія ретрограднаго. Но очевидно благодаря этой

ссылкѣ, мнѣніе Урсинуса вызвало сочувствіе съ такой стороны, откуда до тѣхъ поръ не являлось согласныхъ съ его предложеніями: до сихъ поръ къ голосамъ Урсинуса присоединялись большею частью депутаты русскихъ городовъ, казаковъ и другихъ низшихъ сословій коренной Россіи—теперь съ его мнѣніемъ согласился Вальтеръ Гассингъ, депутатъ города Вендена.

Весьма оживленный обмѣнъ разнородныхъ мнѣній вызванъ былъ статьями II-ой главы проекта—22-ой и 23-ей. Въ 1-ой изъ нихъ читаемъ: „На основаніи законовъ благороднымъ дозволяется на своихъ земляхъ и въ своихъ деревняхъ заводить фабрики и заводы“.

Во 2-ой: „Благородные могутъ строить на своей землѣ, въ силу законовъ, всякаго рода и аравія мельницы“.

По поводу этихъ статей представляли возраженія весьма многіе депутаты городского и другихъ низшихъ сословій (XXXII, 252—258). Нѣкоторые совершенно отрицали право дворянъ заводить фабрики и мельницы, предоставляя заведеніе первымъ купечеству, послѣднихъ—крестьянамъ. Большая же часть возражавшихъ противъ 22-ой статьи требовала ограниченія права дворянъ на заведеніе фабрикъ и заводовъ, допуская лишь такіе, которые перерабатываютъ продукты, получаемые съ собственныхъ земель дворянъ, а никакъ не обрабатывающіе продукты покушныя. При томъ заявлялись требованія, чтобы заводимыя дворянами фабрики 1) не отрывали крестьянъ отъ земледѣлія и 2) не служили къ отягощенію крестьянъ. Нѣкоторые изъ говорившихъ прямо требовали, чтобы работы на дворянскихъ фабрикахъ производилась вольными людьми. Изъ дневной записки комиссіи видно, что Урсинусъ также допускалъ заведеніе дворянами фабрикъ только для обработки ихъ „собственныхъ продуктовъ“ и при условіи, чтобы „употребляемые на оныхъ люди не отвлекаемы были отъ земледѣлства“. Но изъ подлиннаго голоса, поданнаго Урсинусомъ, помѣщеннаго—безъ конца—подъ № 26 въ томѣ XXXVI Сборника И. Р. И. О., въ III приложеніи къ тому XXXII-му, слѣдуетъ, что Урсинусъ обращалъ вниманіе не на одни лишь здѣсь указанныя условія. Онъ предлагалъ при дозволеніи открывать фабрики и заводы разсматривать условія сбыта ихъ произведеній. Указывая на то, что перепроизводство фабричныхъ продуктовъ можетъ не только нанести ущербъ фабрикантамъ, но и лишить заработка спеціально подготовленныхъ къ извѣстному дѣлу рабочихъ, Урсинусъ предлагаетъ заводить лишь такія фабрики, произведенія которыхъ могутъ имѣть постоянный сбытъ.

По поводу 23 статьи Урсинусъ сказалъ, что въ разсужденіи тѣхъ мельницъ, кои фабрикамъ служить могутъ, напр. въ которыхъ толченіе масла дѣйствуется, и проч., должно то же наблюдать, что онъ представлялъ о фабрикахъ къ статьѣ 22-ой.

Со сказаннымъ Урсинусомъ по поводу статьи 22-ой согласились 17 депутатовъ отъ городовъ, изъ которыхъ одинъ—депутатъ города Вендена Гассингъ—согласился и съ его замѣчаніями на статью 23-ю.

Новыя разъясненія къ сдѣланнымъ имъ замѣчаніямъ на 22-ю статью Урсинусъ давалъ по окончаніи первоначальнаго разсмотрѣнія всего проекта въ преніяхъ, которыя ему пришлось вести съ депутатомъ Вѣлгородскаго дворянства Выродовымъ и депутатомъ главнаго магистрата Дурасовымъ (XXXVI, 37 и 41).

Выродовъ, какъ и многіе другіе дворянскіе депутаты, представлялъ фабрики преимущественно дѣломъ дворянъ, а не купечества. Между прочимъ, указывалось ими, что на сѣверѣ, вслѣдствіе климата, большую часть года крестьяне не могутъ заниматься земледѣльческимъ трудомъ, и потому ихъ нужно занять другимъ дѣломъ.

Урсинусъ повторилъ указаніе на опасность перепроизводства фабрикатовъ. Далѣе онъ говорилъ, что ежели дворянинъ учился тому, что потребно къ учрежденію фабрики, и желаетъ употребить на то свой капиталъ, то ему запретить заводить фабрики не слѣдуетъ. Но работу на фабрикѣ онъ не долженъ производить своими людьми, отнимая ихъ отъ земледѣлія. Крестьянъ, которые земли не имѣютъ, надлежитъ переводить на другую землю. Всякія вещи надлежитъ дѣлать тѣмъ, которые къ тому способны. Если земледѣльцы большую часть года препровождаютъ въ праздности, то желательно, чтобы крестьянамъ, по окончаніи ихъ земледѣлія, изыскать способы къ какимъ-либо рукодѣльямъ, приносящимъ пользу обществу, къ фабрикамъ же они не способны, потому что руки ихъ къ нѣжнымъ искусствамъ неспособны, а если ихъ советамъ фабричными сдѣлать, то они отстанутъ отъ земледѣльства, которое всякими способами у насъ возбуждать должно, чувствуя, что у насъ земледѣльцевъ весьма мало. Если городскіе жители не въ состояніи будутъ фабричныхъ вещей готовить столько, сколько надобно, тогда уже и крестьяне могутъ быть употреблены на фабрики, и тогда перестанутъ быть крестьяне.

Далѣе—дворяне, имѣющіе пропитаніе отъ службы и деревень, вступаая во владѣніе фабриками, отнимаютъ пропитаніе отъ мѣщанъ. Но ежели мѣщане не въ довольномъ числѣ находятся, тогда можно дозволить заведеніе фабрикъ всякому, кто захочетъ, лишь бы множество фабрикъ не превосходило требованія фабричныхъ вещей.)

Съ депутатомъ главнаго магистрата Дурасовымъ, сказавшимъ, что въ начальныхъ словахъ 22-й статьи II части проекта: „на основаніи законовъ“ заключается указаніе на то, что законамъ предоставляется рѣшеніе вопросовъ: гдѣ и какія кому фабрики имѣть должно, Урсинусъ согласился на томъ, что отъ комиссіи „о рудокопаніи, сбереженіи и растеніи лѣсовъ и торговлѣ вообще“ будетъ опредѣлено, какія въ деревняхъ надлежитъ заводить фабрики, а тогда статья 22-я не должна быть предосужденіемъ тѣхъ законовъ, которые для общей пользы установятся.

Опуская участіе Урсинуса въ преніяхъ по 27 статьѣ II главы проекта (XXXVI, 43 и 44) съ кн. Щербатовымъ, которыя ничего интереснаго не представили, такъ какъ въ сущестѣ дѣла противники мало расходились, остается указать на замѣчанія, сдѣланныя Урсинусомъ—чисто редакціоннаго свойства—на статью 48-ю II главы проекта. Въ статьѣ этой говорилось: „Никто кромѣ Россійскихъ благородныхъ, въ Россіи сими правами пользоваться не можетъ“. Урсинусъ совершенно основательно замѣтилъ относительно такой редакціи статьи слѣдующее (XXXII, 315): такъ какъ въ числѣ поименованныхъ въ проектѣ правъ, есть такія которыя, очевидно принадлежатъ всѣмъ людямъ, то изъ статьи, „какъ она нынѣ написана, слѣдуетъ, что у многихъ нашихъ согражданъ отнимаются ихъ права построить мельницы, заводить фабрики, охотиться на своихъ земляхъ и прочія права, принадлежація людямъ, хотя они и не изъ дворянъ“.

Въ засѣданіи Большой комиссіи 6 октября (XXXVI, 69), маршалъ объявилъ, что, въ силу обряда, объ управленіи комиссіею „проектъ правамъ благородныхъ съ учиненными на оный примѣчаніями и преніями“ слѣдуетъ отослать въ Дирекціонную комиссію, что и было исполнено. Съ слѣдующаго засѣданія въ комиссіи началось чтеніе законовъ, „принадлежащихъ до помѣстій и отчинъ“, и разсужденія по поводу прочитанныхъ законовъ. Эти занятія—въ которыхъ Урсинусъ не принималъ активнаго участія—продолжались до засѣданія 18 декабря, когда былъ прочитанъ указъ о распущеніи Большой комиссіи до окончанія работъ комиссій частныхъ (XXXVI, 146 и 147). 22 декабря былъ прочитанъ (XXXVI, 151) указъ объ увольненіи отъ комиссіи тѣхъ членовъ ея, которые должны были уѣхать на войну, по поводу открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

Большая комиссія собиралась еще нѣсколько разъ въ декабрѣ 1768 и въ январѣ 1769 года для замѣщенія убылыхъ мѣстъ въ

частныхъ комиссій и для назначенія кандидатовъ на вакансіи, которые могутъ въ этихъ комиссіяхъ открыться по распущеніи членовъ Большой. Кроме того (XXXVI, 153) по Высочайшему указу въ 5 комиссій—дирекціонную, экспедиціонную, о разборѣ наказовъ и проектовъ, о разборѣ родовъ государственныхъ жителей и о правосудіи вообще—надлежало выбрать по три члена для усиленія ихъ состава. Кандидаты намѣчались записками, подававшимися въ засѣданіи 23 декабря. Въ засѣданіи 8 января маршалъ сообщилъ (XXXVI, 157), что по поданнымъ запискамъ о кандидатахъ въ дирекціонную и экспедиціонную комиссіи списокъ сочиненъ, и „что досталось быть по большинству подписокъ въ дирекціонной комиссіи членами депутатамъ“:

- 1) Вотской пятины отъ дворянства Мих. Мордвинову;
- 2) Володимерскому отъ дворянства кн. Петру Трубецкому;
- 3) Деритскому отъ города Якову Урсинусу;
- 4) Ярославскому отъ дворянства кн. Мих. Щербатову;
- 5) Эзельскому отъ дворянства Густаву фонъ-Веймарну;
- 6) Московскому отъ дворянства графу Петру Панину;
- 7) Серпейскому отъ дворянства графу Ал-дру Строганову;
- 8) Старицкому отъ дворянства Алексію Нарышкину;
- 9) г. онекуну отъ разныхъ иновѣрцевъ Адаму Олсуфьеву.

Затѣмъ маршалъ прочелъ составленный о произведенныхъ выборахъ докладъ Ея Императорскому Величеству, „на что и будетъ ожидать Высочайшей конфирмаціи, а когда сіе получитъ, тогда и о тѣхъ господахъ кандидатахъ, изъ которыхъ въ каждую частную комиссію назначено по три человека, собраніе объявить имѣть“. Въ слѣдующемъ засѣданіи—12 января (XXXVI, 158) маршалъ объявилъ собранію, что докладъ, поднесенный отъ комиссій Ея Императорскому Величеству, полученъ „и съ конфирмаціею, по которому Ея Величество назначить соизволила въ каждую комиссію слѣдующихъ трехъ депутатовъ. Въ дирекціонную комиссію оказались назначенными: Мордвиновъ, князь Щербатовъ и графъ Панинъ, т. е.—считая по большинству полученныхъ голосовъ—1-й, 4-й и 6-й кандидаты. Урсинусъ—3-й кандидатъ—оказался обойденнымъ и вмѣстѣ со 2-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 8-мъ и 9-мъ кандидатами вошелъ въ составъ дирекціонной комиссій лишь въ качествѣ запаснаго члена.

Засѣданіе 12 января было послѣднимъ засѣданіемъ Большой комиссій—она была закрыта рѣчью маршала. Черезъ 1½ года—8 іюля 1770 года—было созвано соединенное засѣданіе всѣхъ частныхъ комиссій. Занятія этого собранія депутатовъ ограничались тѣмъ, что маршалъ сообщилъ о сдачѣ депутатскаго достоинства

4-мъ депутатами другимъ лицамъ, на что собраніе—какъ и всегда прежде—согласилось. Засѣданіе было открыто въ началѣ 11-го часа и окончилось въ исходѣ того же часа (XXXVI, 160). Не прекратились пока только отдѣльныя засѣданія частныхъ комиссій. Дальнѣйшая дѣятельность Урсинуса могла проявляться только среди комиссій „объ училищахъ и призрѣніи требующихъ“, гдѣ онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ, и, быть можетъ, въ комиссіи объ имѣніяхъ, гдѣ онъ былъ помощникомъ члена. О послѣдней комиссіи мы извѣстій не имѣемъ. Но о первой нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены графомъ Д. А. Толстымъ въ Сборникѣ отдѣленія русск. языка и слов. Имп. Академіи Наукъ (т. 38, № 4, стр. 63 и слѣд.) и С. М. Соловьевымъ въ его статьѣ „Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка, 1767 годъ“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1861 годъ (стр. 338 и 339). Свѣдѣнія, приведенныя Соловьевымъ—съ ссылкой на его статью—приведены и въ книгѣ профессора В. Н. Латкина „Законодательныя Комиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“ (т. I, Спб., 1887 г., страницы 420—422).

Болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ въ рядѣ статей С. В. Рождественскаго въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія за 1907 и 1908 г. (1907 г.—декабрь, 1908 г.—февраль и май), озаглавленныхъ „Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ“.

Изъ этихъ послѣднихъ статей я приведу нѣсколько мѣстъ, которыя могутъ служить дополненіемъ нашихъ свѣдѣній о дѣятельности Урсинуса въ Екатерининской Комиссіи.

Частная комиссія „объ училищахъ и призрѣніи требующихъ“, „открывъ свои засѣданія 29 мая 1768 г., озаботилась прежде всего собраніемъ необходимыхъ матеріаловъ; отъ дирекціонной комиссіи она затребовала свѣдѣнія о существующихъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ, просила доставить выписки изъ депутатскихъ наказовъ, касающіяся учебной реформы, проектъ Академіи Наукъ, планъ государственныхъ гимназій Клингштета, Миллера и Дюмареска¹⁾. Въ первыхъ же засѣданіяхъ наводились справки и велись разсужденія о положеніи учебнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ: объ англійскихъ университетахъ, о прусской системѣ народныхъ училищъ, о школахъ ирландскихъ. Черезъ годъ комиссія вознамѣрилась было исходатайствовать своимъ членамъ право посѣщать,

¹⁾ Клингштетъ—депутатъ и членъ частной комиссіи объ училищахъ—о немъ сказано выше; Миллеръ—извѣстный исторіографъ, занимавшій въ 1766 г. должность завѣдывающаго воспитательнымъ домомъ; Дюмарескъ—докторъ богословія и канцеляристъ англійской факторіи въ С.-Петербургѣ, лично извѣстный Императрицѣ.

всѣмъ вмѣстѣ или порознь, во всякое время, государственныя училища, какъ-то: кадетскій корпусъ, Академію Художествъ, женское училище въ Смольномъ, дабы, усматривая на самомъ дѣлѣ происходящіе успѣхи отъ учрежденія тѣхъ мѣстъ, члены комиссіи тѣмъ лучше могли соображать свой проектъ. Осуществилось ли это намѣреніе, неизвѣстно“.

Кромѣ матеріаловъ, намѣченныхъ самой частной комиссіей, она получала отъ комиссіи дирекціонной инструкцію, въ которой нѣкоторые вопросы, подлежащіе ея обсужденію, уже предрѣшались заранее. Такъ, училища раздѣлялись на низшія, среднія и высшія. „Курсъ нижнихъ училищъ, отрываемыхъ не только въ городахъ, но также и въ селахъ, инструкція ограничивала кругомъ элементарнаго обученія чтенію, письму, арифметикѣ и катехизису. Большимъ учителямъ, не получающимъ нигде опредѣленнаго жалованья, предоставлялась свобода открывать повсемѣстно и такія школы, въ которыхъ, кромѣ начальныхъ основаній наукъ, могли преподавать и новыя языки... Къ среднимъ школамъ инструкція относилась гимназій и семинарій... Относительно верховныхъ училищъ, университетовъ или академій инструкція ограничивалась краткимъ указаніемъ, что они состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. При этомъ отмѣчалось, что философскій факультетъ имѣетъ общее, процедурное значеніе; философію каждому, въ университетѣ находящемуся, слѣдуетъ прослушать“...

„Согласно данному отъ дирекціонной комиссіи наставленію, училищная комиссія должна была представить общій планъ своей работы. Сначала комиссія намѣревалась выработать подробный планъ учебнаго законодательства, но когда обнаружился разногласіе, грозившія надолго затнуть работу, то остановились на рѣшеніи составить краткій планъ... Въ концѣ 1768 г. такой планъ, подписанный Ашемъ, Урсинусомъ, Беклешовымъ и Золотницкимъ, былъ представленъ въ дирекціонную комиссію. По содержанию своему этотъ планъ представлялъ въ болѣе развитомъ видѣ схему учебной системы, намѣченную въ инструкціи комиссіи, или оглавленіе будущаго основнаго закона, объемлющаго цѣльную систему народнаго просвѣщенія“... „Вмѣстѣ съ планомъ поступили въ дирекціонную комиссію замѣчанія на него нѣкоторыхъ членовъ. Золотницкій, хотя и подписалъ планъ, находилъ въ немъ существенные недостатки... По его мнѣнію, планъ содержалъ одни весьма генеральныя и ничего опредѣлительнаго не заключающія оглавленія. Поэтому онъ представилъ свой собственный планъ, нѣсколько подробнѣе развитый общую схему, которая была начертана отъ имени всей вообще

комиссіи... Съ особымъ правомъ выступилъ и Клингштетъ... Въ защиту общаго плана комиссіи представили свои объясненія баронъ Ашъ и Урсинусъ. Золотницкому они коротко отвѣчали, что всѣ разногласія съ нимъ могутъ быть легко устранены при сочиненіи самыхъ законовъ. Клингштету же былъ данъ отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ, по которымъ онъ разошелся съ общимъ планомъ комиссіи“.

Указываемые г. Рождественскимъ пункты разногласія особеннаго интереса не представляютъ. Шла рѣчь о томъ, напримѣръ, нужно ли въ планѣ помѣщать общее разсужденіе объ училищахъ, нужно ли говорить о домашнемъ образованіи и воспитаніи, нужно ли упомянуть о существующихъ на основаніи особыхъ законоположеній кадетскомъ корпусѣ и Академіи Художествъ. Болѣе важное разногласіе было по вопросу, нужно ли учреждать школы для иновѣрцевъ (осѣдлыхъ инородцевъ), пользу которыхъ Ашъ и Урсинусъ энергически отстаивала.

Дирекціонная комиссія разсмотрѣла внесенныя въ нее бумаги и экстрактомъ изъ протокола 29 декабря 1768 г. сообщила училищной комиссіи свои заключенія по вопросамъ, возбудившимъ разногласіе.

„Новаго общаго плана, примирявшаго мнѣнія отдѣльныхъ членовъ и исправленнаго по замѣчаніямъ дирекціонной комиссіи, училищная комиссія уже не составляла и въ январѣ слѣдующаго 1769 года приступила къ разработкѣ отдѣльныхъ частей учебнаго законодательства“...

Въ первую очередь, согласно общему плану, комиссія „двинула проектъ о низшихъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ. Члены комиссіи Золотницкій, Урсинусъ, Стромилловъ, Леонтьевъ представили каждый свой проектъ; чтеніе и разсмотрѣніе этихъ проектовъ заняло много времени, и только въ августѣ началась выработка окончательнаго проекта. Обсужденіе его по отдѣльнымъ статьямъ также затянулось надолго, и 9 февраля слѣдующаго 1770 г. было получено отъ дирекціонной комиссіи напоминаніе объ ускореніи работы. Наконецъ, проектъ о нижнихъ сельскихъ и городскихъ училищахъ, подписанный Хоминскимъ, Стромилловымъ, Клингштетомъ и Леонтьевымъ, 15 іюля 1770 г. представленъ былъ въ дирекціонную комиссію; Урсинусъ не подписалъ проекта, заявивъ, что подаетъ въ комиссію особое мнѣніе“.

О составѣ и характерѣ курса, начертаннаго училищной комиссіей, г. Рождественскій говоритъ слѣдующее:

„Золотницкій, подробный планъ котораго легъ въ основаніе проектовъ комиссіи, настаивалъ на элементарности курса сельскихъ

училищъ. Сельскія школы, — писалъ онъ, — должны быть самыя сокращенныя и содержащія въ себѣ такое только ученіе, которое дѣлаетъ жителей, сколько возможно, доброжелательными и трудолюбивыми. Поэтому обученіе въ сельскихъ школахъ ограничивается только чтеніемъ, истолкованіемъ православнаго закона и краткимъ правоученіемъ. Все прочее, какъ-то: обученіе письму и арифметикѣ, оставляется на произволеніе владѣльцевъ и самихъ родителей. Предположенія Золотницкаго о постановкѣ элементарнаго народнаго образованія были всецѣло приняты въ составленномъ комиссіей проектѣ нижнихъ, сельскихъ и городскихъ школъ. Весь курсъ ученія, проходимаго въ этихъ школахъ, вмѣщается въ одной учебной книгѣ, составленіе которой поручается Св. Синоду. Книга эта раздѣляется на двѣ части. Первая, печатанная церковною печатью, содержитъ: 1) русскую азбуку церковной и гражданской печати, а также исчисленіе буквами и цифрами* (здѣсь безъ сомнѣнія имѣется въ виду только ознакомленіе съ изображеніемъ чиселъ цифрами — арабскими и славянскими), „2) короткія утреннія, вечернія и предобѣденныя молитвы, 3) катехизисъ съ яснымъ, но краткимъ истолкованіемъ десятословія и догматовъ вѣры; вторая часть, печатанная гражданской печатью, заключаетъ въ себѣ компендіумъ христіанскаго правоученія, или христіанскихъ добродѣтелей, состоящихъ въ должности подданныхъ къ Государю, въ безпрекословномъ повиновеніи государственнымъ узаконеніямъ, въ почитаніи и послушаніи господъ своихъ и другихъ установленныхъ властей и въ должности къ самому себѣ и ближнему. Обученіе рукописному чтенію производится по особымъ азбукамъ, въ которыя также включается краткое правоученіе. Обученіе письму оставляется на волю родителей и производится за особую плату“... (отправленіе дѣтей въ школу и обученіе ихъ предметамъ основнымъ предполагалось сдѣлать обязательнымъ). „Продолжительность курса сельской школы не ограничивается какимъ-либо определеннымъ промежуткомъ времени: каждый, признанный способнымъ къ ученію, обучается столько времени, сколько нужно, чтобы научиться всякую книгу безъ нужды читать. Курсъ нижнихъ городскихъ школъ, предвзначенныхъ для мѣщанскихъ дѣтей, отличается отъ курса сельскихъ только тѣмъ, что обученіе письму сдѣлано въ нихъ обязательнымъ“.

Сами составители этого проекта не могли не видѣть скудости предлагаемаго ими народу образованія и — въ особенности — непрочности его. Золотницкій, высказавъ, что нижнія школы „не будутъ полезны, ежели ученики, выходя изъ оныхъ, погрузятъ свое ученіе въ забвеніи или небреженіи“, находилъ нужнымъ возложить на

приходскихъ священниковъ по воскреснымъ днямъ послѣ литургіи преподавать народу краткое и ясное поученіе о заповѣдяхъ и догматахъ вѣры. Комиссія усвоила эту мысль, и по ея проекту, „приходскій священникъ, какъ непосредственный наблюдатель за сельскими школами, былъ обязываемъ вести воскресныя поученія, служація общенародной школой, и требовать, чтобы оставившія школу дѣти въ свободное время по домамъ повторяли учебную книгу и всегда были готовы отвѣчать на вопросы священника“.

Относительно школъ городскихъ комиссія сознавала потребность не только въ поддержаніи въ бывшихъ ученикахъ пріобрѣтенныхъ ими познаній, но и въ пополненіи этихъ познаній свѣдѣніями по предмету, особенно важному для торговопромышленнаго класса — по арифметикѣ.

„Относительно этого предмета — говоритъ г. Рождественскій — къ области средняго образованія, комиссія проектировала устройство особыхъ арифметическихъ школъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не будетъ высшихъ и среднихъ училищъ... Школы эти могли быть не равными по курсу: гдѣ находилась надлежаще подготовленные учителя, должна проходить полная арифметика, а гдѣ такихъ учителей достать нельзя, то, по крайней мѣрѣ, первая основанія арифметики“. Очевидно, ни одно изъ указанныхъ предположеній училищной комиссіи не вмѣло въ виду расширенія общеобразовательнаго курса „нижнихъ“ училищъ. Но очевидно также, что, не предлагая такого расширенія, комиссія въ точности слѣдовала выше упомянутой инструкціи, данной ей дирекціонною комиссіей, и едва-ли ей было возможно расширить курсъ народныхъ училищъ, названныхъ нижними, за предѣлы, инструкціею положенные. Этимъ обстоятельствомъ, я полагаю, и объясняется тотъ фактъ, что Урсинусъ, не подписавъ проекта комиссіи, вмѣсто заявленной имъ подачи особаго мнѣнія, предпринялъ другой шагъ въ интересѣ расширенія того круга образованія, который назначался для населенія городского. Вотъ что читаемъ мы объ этомъ шагѣ въ трудѣ г. Рождественскаго.

„Вскорѣ послѣ того, какъ проекты нижнихъ школъ, сельскихъ и городскихъ, сданы были въ дирекціонную комиссію, депутатъ Урсинусъ возбудилъ вопросъ о необходимости учредить *великое число* школъ, промежуточныхъ между приходскими и гимназіями не только для обученія тѣхъ, кто не попадетъ въ гимназію, но и для приготовленія къ послѣднимъ. Другіе члены комиссіи возразили, что въ проектахъ, внесенныхъ въ дирекціонную комиссію, уже нельзя сдѣлать никакихъ измѣненій, и Урсинусу предоставлено было въ особомъ мнѣніи подробно описать всѣ роды училищъ, какіе онъ

найдеть необходимо нужными. Черезъ нѣсколько засѣданій Клингштетъ поддержалъ предложеніе Урсинуса, представивъ особую записку о *тривіальныхъ школахъ*. Въ этой запискѣ Клингштетъ доказывалъ, что образованіе должно повышаться со строгою постепенностью, почему отъ заведенія гимназій невозможно получить пристражающей пользы, если въ оныя будутъ принимаемы дѣти, кромѣ грамоты ничего не знающія. Кромѣ подготовки учащихся къ гимназіямъ, тривіальныя школы должны давать и нѣкоторое законченное образованіе дѣтямъ, коихъ состояніе и должность упражненія въ высшихъ наукахъ не требуетъ... И это предложеніе Клингштета встрѣтило возраженіе со стороны Стромялова и Хоминскаго, что особенныхъ школъ между низшими училищами и гимназіями учреждать не надо, а слѣдуетъ нужныхъ знаній классы прибавить къ гимназіямъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о тривіальныхъ школахъ затронуть былъ еще нѣсколько разъ, и 2 ноября 1770 г. коммиссія согласилась отнести проектированныя Урсинусомъ и Клингштетомъ школы къ вольнымъ училищамъ, т. е. предоставить учрежденіе ихъ частной инициативѣ. Въ мартѣ 1771 г. коммиссія еще разъ вернулась было къ проекту Клингштета объ учрежденіи во всѣхъ городахъ тривіальныхъ школъ, но въ дальнѣйшемъ этотъ вопросъ уже больше не возбуждался. Въ проектѣ о среднихъ училищахъ коммиссія, слѣдуя подробному плану Золотницкаго, ограничилась указаніемъ, что принимаемыя въ гимназіи дѣти „должны уже научены быть російской грамотѣ, читать и писать и первымъ частямъ ариметики“.

Прежде чѣмъ перейти къ извѣстіямъ о трудахъ училищной коммиссіи по вопросамъ о средней и высшей школѣ, обращаю вниманіе на слѣдующія два обстоятельства. Во 1-хъ, считаю очевиднымъ, что рѣшенія коммиссіи, какъ по установкѣ предѣловъ курсу нижнихъ училищъ, такъ и по предложеніямъ Урсинуса и Клингштета объ учрежденіи школъ, посредствующихъ между нижними и гимназіями, строго соответствовали инструкціи, данной коммиссіей дирекціонной: выше было уже сказано, что инструкція эта, ограничивъ курсъ низшихъ училищъ чтеніемъ, письмомъ, закономъ Божіимъ и ариметикой, между низшими и средними училищами (а къ среднимъ относились ея гимназіи и семинаріи), допускала только училища „вольныя“, учителя которыхъ опредѣленнаго содержанія не получали.

Второе обстоятельство то, что С. М. Соловьевъ приписываетъ училищной коммиссіи другой проектъ: „учрежденія школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ“. Этотъ послѣдній проектъ ставитъ начальному народному образованію несравненно болѣе широкія рамки. Въ курсъ нижнихъ школъ онъ включаетъ ариметику съ дробями

и третними (т. е. тройными) правилами, начало географіи и универсальной исторіи. Составленіе руководства по арифметикѣ и географіи возлагается проектомъ на Академію наукъ, по исторіи указывается въ качествѣ руководства книга Московскаго профессора Дильтея. Окончившимъ курсъ въ проектѣ рекомендовалось читать Новый Заветъ, Большой Наказъ (Императрицы Екатерины), Роленеву древнюю исторію и „прочія историческія благонравныя книги“. Разница между двумя проектами поразительная! Но г. Рождественскій показываетъ, что послѣдній проектъ принадлежитъ не училищной комиссіи, а комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ. Комиссія эта (учрежденная въ 1762 г.) состояла изъ архіепископовъ: С.-Петербургскаго Гавріила и Псковскаго Иннокентія, статсъ-секретаря Императрицы Г. Н. Теплова и Синодальнаго оберъ-прокурора П. П. Чебышова. 25 октября 1771 г. прекратились засѣданія училищной комиссіи, и въ этотъ же день Императрица повелѣла названной духовной комиссіи рассмотреть проектъ „учрежденія школъ нижнихъ въ городахъ и мѣстечкахъ“, составленный 2-я членами этой комиссіи архіепископомъ Гавріиломъ и Тепловымъ и поднесенный ими на апробацію Императрицы. 18 октября 1772 г. комиссія постановила одобрить проектъ и поднести его на Высочайшую апробацію. Дальнѣйшаго движенія проектъ не получалъ. 24 іюля 1783 г. комиссія, заслушавъ указъ Сената о новой комиссіи объ учрежденіи пародныхъ училищъ, постановила: дѣло о нижнихъ градскихъ школахъ рѣшеннымъ не почитать.

Совоставленіе приведенныхъ г. Рождественскимъ фактовъ даетъ, какъ мнѣ кажется, основаніе объяснить разницу между изложенными проектами именно тѣмъ, что духовная комиссія не была связана инструкціями, подобно частной училищной комиссіи, обязанной подчиняться комиссіи дирекціонной, въ дѣятельности которой профессоръ Сергѣевичъ видѣлъ одну изъ главныхъ причинъ неудачи Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія ¹⁾.

¹⁾ Замѣчу здѣсь, что графъ Д. А. Толстой, въ называвной выше статьѣ въ 38 т. Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, положилъ проектъ училищной комиссіи согласно съ г. Рождественскимъ, только въ болѣе краткомъ видѣ. При томъ онъ опустилъ совершенно предложеніе Урсинуса объ учрежденіи городскихъ школъ, стоящихъ по курсу между начальными школами и гимназіями, и говорилъ только о проектѣ тривіальныхъ школъ Клингштета. Не обративъ также вниманія на то, что окончательный проектъ нижнихъ училищъ, препровожденный въ дирекціонную комиссію, Урсинусомъ не былъ подписанъ, между тѣмъ какъ училищная комиссія составленная Урсинусомъ проектъ курсъ сельскихъ школъ одобрила, гр. Толстой принесть весь проектъ инициативъ Урсинуса.

Возвращаюсь къ сообщеніямъ г. Рождественскаго о проектахъ, составлявшихся училищною комиссіею. О дѣятельности комиссіи по вопросамъ о среднемъ и высшемъ образованіи приходится сказать немного. „Оставшійся въ черновомъ видѣ—говорить г. Рождественскій—проектъ среднихъ школъ, который комиссія объ училищахъ не успѣла представить въ дирекціонную, воспроизводитъ съ нѣкоторыми измѣненіями подробный проектъ Золотницкаго, ставившаго среднимъ школамъ самостоятельную задачу: готовить свѣтское и духовное юношество ко всякаго рода государственнымъ и духовнымъ службамъ и званіямъ. Золотницкій дѣлалъ проектированныя имъ среднія школы—государственныя гимназій—на большія и меньшія, различая ихъ только въ числѣ наукъ и учащихся“. Курсъ всѣхъ гимназій отличался многопредметностью, въ особенности, разумѣется, большихъ. „Продолжительность курса гимназій обоихъ типовъ Золотницкій не указывалъ. Повидному, онъ не дѣлалъ проектированныхъ имъ курсовъ обязательными для всѣхъ учениковъ... и допускалъ спеціализацію, соотвѣтственно сословно-профессіональному предназначенію, учащихся... Казеннокоштные ученики, по его предположенію, проходятъ курсъ по плану, устававляемому совѣтомъ гимназій; для учениковъ своекоштныхъ предметы преподаванія избираются по усмотрѣнію родителей или опекуновъ, однако“ и въ этомъ случаѣ начальство гимназій должно являться главнѣйшимъ совѣтникомъ.

„Училищная комиссія не приняла предложеннаго Золотницкимъ раздѣленія гимназій на большія и меньшія и установила единъ типъ гимназій съ курсомъ, еще превышавшимъ многопредметностью курсъ большихъ гимназій Золотницкаго... Расположенія курса по классамъ проектъ комиссіи также не давалъ. О возможности спеціализація въ такомъ обширномъ курсѣ, соотвѣтственно сословно-профессіональному предназначенію учащихся, проектъ не упоминалъ! Чему приписать такое умолчаніе—г. Рождественскій не объясняетъ. Скорѣе всего, казалось бы, причиною умолчанія слѣдуетъ предположить незаконченность проекта.

Что касается до высшихъ учебныхъ заведеній, то вопросъ о нихъ въ училищной комиссіи былъ наименѣе разработанъ. Онъ затрогивался только въ общихъ планахъ учебной организаціи, представленныхъ, какъ отъ имени всей комиссіи, такъ въ частности отъ Золотницкаго и Кленштета, при чемъ, по словамъ г. Рождественскаго, „не вызвалъ разногласій и былъ намѣченъ рядомъ пунктовъ, показывающихъ, что комиссія готовилась его изслѣдовать глубоко и всесторонне“. Собственно къ систематической разработкѣ вопроса о „верховныхъ училищахъ“, т. е. объ университетахъ, ко-

миссія готовилась приступить по окончаніи проекта о средних школахъ въ октябрѣ 1771 года, но, какъ уже сказано, въ концѣ этого мѣсяца ея занятія прекратились. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращаются и наши свѣдѣнія о дѣятельности Урсинуса.

Къ какому заключенію можно придти изъ всего выше предложеннаго обзора этой дѣятельности? Мнѣ кажутся несомнѣнными его желаніе служить на пользу Русской земли, его неустанное трудолюбіе, энергія, желаніе и способность дѣйствовать, несмотря на препятствія, которыя щедро выдвигаются невѣжествомъ, соединеннымъ съ самонадѣянностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляются несомнѣнными его обширныя разнородныя познанія и сильная логика. Онъ понималъ лучше другихъ задачи законодательной комиссіи и понималъ лучше многихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя нужды страны. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы всякая дѣятельность была открыта людямъ, къ ней способнымъ и къ ней подготовленнымъ—всѣмъ такимъ людямъ и только такимъ людямъ. Далѣе, онъ стремился къ тому, чтобы всякое преимущество, всякая привилегія давалась въ награду за дѣйствительную службу странѣ, за дѣйствительную пользу, ей принесенную. Далѣе, онъ умѣлъ увлечь за собою многихъ депутатовъ, и при томъ депутатовъ, принадлежащихъ совсѣмъ къ другимъ сферамъ и стоящихъ совсѣмъ на другой ступени развитія; умѣлъ склонить многихъ къ согласію на нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ мыслей и предположеній и пріобрѣсти ихъ довѣріе. Многими изъ своихъ воззрѣній онъ далеко опередилъ не только своихъ современниковъ, но и людей, принадлежащихъ къ поколѣніямъ позднѣйшимъ. Мы не знаемъ съ точностью его дѣятельности, предшествовавшей его вступленію въ законодательную комиссію. Еще того менѣе знаемъ мы о послѣдующей судьбѣ его. Пересматривая адресъ-календари, относящіеся къ годамъ, слѣдовавшимъ за открытіемъ Большой Комиссіи, несмотря на то, что они полнѣе относящихся къ 60-мъ годамъ XVIII столѣтія (въ спискахъ, напр., профессоровъ Московскаго университета мы въ 70-хъ годахъ встрѣчаемъ и младшихъ преподавателей—профессоровъ, не входящихъ въ составъ Университетскаго Совѣта или, какъ тогда писалось, Собранія—чего не было въ годахъ 60-хъ), я не встрѣтилъ имени Урсинуса ни между профессорами, ни между служащими въ Академіи Наукъ, ни между членами коллегій или канцелярій, въ которыхъ онъ бы могъ занимать мѣсто по своимъ познаніямъ съ пользою для дѣла. Или онъ пересталъ существовать пскорѣ по закрытіи училищной комиссіи, или какія-то обстоятельства помѣшали правительству использовать его по-

знанія и способности. Объ немъ, какъ выше изложено на основаніи статьи г. Змиградскаго въ Сборникѣ учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ, вспомнили слишкомъ 30 лѣтъ спустя, и то затѣмъ только, чтобы взыскать съ него 67 р. 89 к. за депутатскій знакъ. Тѣмъ не менѣе полагаю, что одна дѣятельность Урсинуса въ Екатерининской законодательной комиссіи дзеть право желать, чтобы имя этого дѣятеля не было совершенно забыто русскимъ обществомъ.

А. Вороновъ.

(Окончаніе).

